Стивен Кинг

Немой

Часть сборника
После заката (сборник)

Стивен Кинг
Немой

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402455
После заката : [сб.: пер. с англ.] / Стивен Кинг: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-33060-5

Аннотация

«Исповедален было три, над дверью второй горел свет. Желающих исповедоваться не оказалось: церковь пустовала. В витражные окна лились солнечные лучи, рисуя разноцветные квадраты на полу центрального прохода. Поборов желание уйти, Монетт храбро шагнул к еще открытой для прихожан кабине. Когда он закрыл за собой дверцу и сел, справа от него поднялась небольшая заслонка. Прямо перед Монеттом белела карточка, прикрепленная к стене синей канцелярской кнопкой…»

Содержание

1	4
2	7
3	13
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Стивен Кинг
Немой

1

[1]

Исповедален было три, над дверью второй горел свет. Желающих исповедоваться не оказалось: церковь пустовала. В витражные окна лились солнечные лучи, рисуя разноцветные квадраты на полу центрального прохода. Поборов желание уйти, Монетт храбро шагнул к еще открытой для прихожан кабине. Когда он закрыл за собой дверцу и сел, справа от него поднялась небольшая заслонка. Прямо перед Монеттом белела карточка, прикрепленная к стене синей канцелярской кнопкой. На ней напечатали: «ПОТОМУ ЧТО ВСЕ СОГРЕШИЛИ И ЛИШЕНЫ СЛАВЫ БОЖИЕЙ»[2]. Он давненько не исповедовался, но искренне сомневался, что подобная карточка является стандартной принадлежностью исповедальни. Более того, он сомневался, что развешивание подобных карточек соответствует Балтиморскому катехизису.

Из-за занавешенного непрозрачной сеткой окошка послышался голос священника:

---

[1] Mute // © Перевод. А. Ахмерова, 2010

[2] Римлянам: 3:23.

– Как дела, сын мой?

На взгляд Монетта, вопрос прозвучал не совсем стандартно. Вопрос вопросом, но сначала Монетт даже ответить не сумел. Поразительно: хотел столько рассказать, а не мог вымолвить ни слова.

– Сын мой, ты что, язык проглотил?

И снова тишина. Слова были на месте, однако все до единого заблокировались в сознании. Абсурд, конечно, но Монетту представился засорившийся унитаз.

Расплывчатая фигура за секой шевельнулась.

– Давно не исповедовался?

– Да, – выдавил Монетт. Ну вот, хоть какой-то прогресс!

– Подсказка нужна?

– Нет, я помню. Благословите меня, отче, ибо я согрешил.

– Угу, ясно. Когда исповедовался в последний раз?

– Не помню. Давно, еще в детстве.

– Да не волнуйся ты! Это ж как на велосипеде кататься!

И опять Монетт не смог вымолвить ни слова. Едва он взглянул на пришпиленную синей кнопкой карточку, желваки заходили, ладони судорожно вцепились одна в другую и огромным побелевшим кулаком заскользили туда-сюда вдоль бедер.

– Сын мой, ты как, жив? Слушай, день-то не резиновый! Друзья ждут меня на ленч. Точнее, они должны принести ленч в…

– Отче, я совершил ужасный грех.

Теперь замолчал священник. «Немой» – вот оно, самое бесцветное слово на свете, подумал Монетт. – Напечатай на карточке, и с бумагой сольется».

Когда священник заговорил снова, его голос звучал по-прежнему спокойно, но чуть мрачнее и серьезнее.

– В чем твой грех, сын мой?

– Не знаю, – покачал головой Монетт. – Надеюсь, вы скажете.

2

Когда Монетт свернул с северного шоссе на Мэнскую автостраду, полил дождь. Чемодан лежал в багажнике, а кейсы с образцами товара – большие, неудобные, примерно в таких адвокаты носят вещдоки на процесс – на заднем сиденье. Один кейс был коричневый, другой черный, на обоих красовался тисненый логотип фирмы «Вольф и сыновья» – серый волк с зажатой в пасти книгой. Монетт работал торговым представителем на территории Новой Англии. Дело было в понедельник утром, минувшие выходные иначе как отвратительными и язык не поворачивался назвать. Жена Монетта перебралась в мотель, где поселилась явно не одна. Вскоре ее могли посадить в тюрьму, наверняка со скандалом, в котором супружеская неверность стала бы лишь малозначительной деталью.

На лацкане пиджака Монетт носил значок с надписью: «Лучшие книги осени по лучшей цене».

У обочины стоял одетый в старье мужчина с плакатом в руках. Под усиливающимся дождем Монетт подъехал ближе и разглядел потертый бурый рюкзак, брошенный у обутых в разбитые кроссовки ног. На левой кроссовке застежка-липучка расстегнулась и торчала, как язык Эйнштейна. Ни зонта, ни хотя бы бейсболки у мужчины не было.

Сперва на плакате Монетт разобрал лишь грубо намале-

ванные красные губы, перечеркнутые по диагонали. Чуть приблизившись, он прочитал надпись над перечеркнутым ртом: «Я немой!» Продолжение следовало под картинкой: «Пожалуйста, подвезите!»

Монетт включил поворотник и притормозил у обочины, а странный любитель автостопа перевернул свой плакат. На обратной стороне красовалось столь же грубо намалеванное ухо, перечеркнутое по диагонали, с надписью «Я глухой!» над примитивной картинкой и «Пожалуйста, подвезите!» под ней.

С тех пор как получил права в шестнадцатилетнем возрасте, Монетт намотал сотни тысяч миль, причем большинство их пришлось на последние десять лет, в течение которых он служил торговым представителем «Вольфа и сыновей», сезон за сезоном продавая «лучшие книги». За все это время он не взял ни единого попутчика, а сегодня без малейших колебаний притормозил у обочины. Медаль святого Кристофера маятником болталась над зеркалом заднего обзора – Монетт нажал на кнопку и разблокировал замки. Сегодня терять ему было нечего.

Глухонемой скользнул в салон и бросил потрепанный рюкзак перед ногами, обутыми в сырые грязные кроссовки. Монетту хватило беглого взгляда, чтобы понять: пахнет этот тип отвратительно, и он не ошибся.

– Далеко едешь? – поинтересовался Монетт.

Глухонемой пожал плечами, показал на дорогу, затем на-

гнулся и аккуратно положил плакат на рюкзак. Волосы у него были тонкие, нечесаные, с заметной сединой.

– Я спросил, не куда ехать, а…

Монетт догадался, что попутчик его не слушает. Пока глухонемой возился с рюкзаком, мимо пролетела машина. Лихач-водитель нагло засигналил, хотя Монетт оставил ему достаточно места. Монетт поднял средний палец. Этим выразительным жестом он пользовался и раньше, но из-за подобных мелочей – никогда.

Глухонемой пристегнулся и взглянул на Монетта, точно интересуясь, из-за чего задержка. На лбу морщины, на щеках сизая поросль – Монетт не мог определить, сколько лет его попутчику. Он либо старый, либо очень старый, точнее не скажешь.

– Далеко едешь? – повторил Монетт, на сей раз тщательно проговаривая каждое слово. Когда попутчик – среднего роста, худощавый, весом не более ста пятидесяти фунтов – повернулся к нему, Монетт, коснувшись своего рта, спросил: – По губам читать умеешь?

Глухонемой покачал головой и попытался объяснить что-то жестами.

Над ветровым стеклом Монетт всегда держал блокнот и ручку. «Куда едешь?» – написал он. Мимо, подняв целый фонтан брызг, пронеслась очередная машина. Самому Монетту предстояло ехать в Дерри, то есть еще целых сто шестьдесят миль по отвратительной – хуже только снегопад – пого-

де. Однако сегодня погода вместе с огромными фурами, которые, пролетая мимо, поднимали настоящее цунами, лишь отвлекала от горестных мыслей.

Не говоря уже о случайном попутчике, который непонимающе смотрел то на него, то на записку. У Монетта мелькнула мысль, что убогий калека не умеет читать – глухонемому-то научиться непросто! – но понимает значение вопросительного знака. Попутчик ткнул пальцем в простирающуюся впереди дорогу, а потом восемь раз сложил и развел ладони. Восемь раз или десять, что означало восемьдесят миль или сто, если он вообще осознавал, о чем речь.

– Тебе в Уотервилл? – предположил Монетт.

Попутчик буравил его безучастным взглядом.

– Ладно, не важно, – проговорил Монетт. – Захочешь выйти – тронь меня за плечо.

В темных глазах не мелькнуло ни искры понимания.

– Надеюсь, ты так и сделаешь, – кивнул Монетт. – Естественно, при условии, что знаешь, куда тебе нужно. – Он поправил зеркало заднего обзора и завел мотор. – Ты ведь совсем отрезан от внешнего мира, да?

В очередной раз единственным ответом стал безучастный взгляд.

– Да уж ясно, отрезан полностью! – вздохнул Монетт. – Телефонные провода безжалостно оборваны. Только знаешь, сегодня я почти готов поменяться с тобой местами. Почти готов… Музыку послушаем?

Попутчик повернулся к окну, а Монетт рассмеялся над собственной глупостью: этому бедолаге хоть Дебюсси, хоть «Эй-си/Ди-си», хоть Раш Лимбо[3] – разницы никакой.

Новый диск Джоша Риттера[4] Монетт купил для дочери. Ее день рождения уже через неделю, а подарок до сих пор не отправлен! За последние дни столько всего случилось… Когда Портленд остался позади, Монетт включил круиз-контроль, надорвал пластиковую упаковку и вставил диск в плеер. Ну вот, теперь диск, что называется, б/у, такой любимой дочери не подаришь. Впрочем, всегда можно купить новый, естественно, если денег хватит…

Джош Риттер оказался весьма неплох. Немного похож на раннего Дилана, только негатива поменьше. Под музыку Монетт размышлял о деньгах. Новый диск в подарок Келси – ерунда, даже новый ноутбук, столь нужный и желанный по большому счету, тоже. Но если Барбара впрямь сделала то, что сказала – а администрация учебного городка все подтвердила, – Монетт не представлял, как оплатит дочери последний год в кливлендском университете «Кейс вестерн резерв», даже если сам не потеряет работу. Вот это – настоящая проблема.

Пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, Монетт включил

---

[3] Раш Лимбо (наст. имя – Раш Хадсон Лимбо) – консервативный общественный деятель, ведущий одного из наиболее популярных радиошоу в США.

[4] Джош Риттер – американский исполнитель фолк-музыки, автор четырех студийных альбомов.

музыку на максимальную громкость и отчасти добился желаемого, но, когда доехали до Гардинера, Джош Риттер спел все песни. Глухонемой сидел, повернувшись к пассажирскому окну, поэтому Монетт видел лишь грязное полупальто и истонченные волосы, неопрятными патлами покрывающие воротник. В свое время полупальто украшал логотип, но сейчас буквы выцвели, и надпись не читалась.

«Вот она, история жизни бедного ублюдка», – подумал Монетт.

Сперва Монетт не знал, спит его попутчик или наслаждается пейзажем, но потом по наклону головы и мерному, туманящему стекло дыханию понял: первое куда вероятнее. В конце концов скучнее Мэнской автострады к югу от Огасты может быть лишь Мэнская автострада к югу от Огасты под холодным весенним дождем.

У Монетта имелись и другие диски, но вместо того, чтобы выбрать музыку, он выключил автомагнитолу. Когда проехали гардинерский пункт сбора платы за проезд – благодаря чудесам E-Zpass[5] без остановки, пришлось лишь снизить скорость – он заговорил.

---

[5] E-Zpass – система бесконтактной безналичной оплаты проезда по платным дорогам.

3

Монетт прервал рассказ и взглянул на часы. Без четверти двенадцать… Священник предупредил, что собирается на ленч с друзьями, точнее, друзья обещали принести ленч ему.

– Отче, простите, что задерживаю. Хотелось бы изложить все покороче и побыстрее, но я не знаю как.

– Не волнуйся, сын мой, твоя история меня заинтриговала.

– Ваши друзья…

– Подождут, пока я занимаюсь делом Божьим. Сын мой, тот бродяга тебя обокрал?

– Он украл мой душевный покой. Это кражей считается?

– Безусловно. Так что он сделал?

– Ничего, просто смотрел в окно. Я сперва решил, что он дремлет, только, судя по всему, ошибся.

– А что сделал ты?

– Рассказал о жене, – ответил Монетт и тут же покачал головой. – Нет, я не рассказывал. Я трещал без умолку, безостановочно, бесконтрольно. Я… ну, вы понимаете. – Глядя на стиснутые до белизны ладони, Монетт лихорадочно подбирал слова. – Видите ли, я решил, что он глухонемой. Хоть всю душу наизнанку выверни, ни детального анализа, ни ненужного мнения, ни «мудрого» совета не последует. Мой попутчик был глух, нем, да еще задремал по дороге…

Вот я и подумал: «Какого черта, можно нести все, что взбредет в мою проклятую голову!» Извините, отче! – поморщился Монетт, точно пристыженный висящей на стене карточкой.

– Что ты рассказал ему о своей жене? – уточнил священник.

– Что ей пятьдесят четыре, – отозвался Монетт. – А дальше… дальше начинается самый настоящий кошмар.

4

После Гардинера Мэнская автострада снова становится бесплатной и тянется на триста миль по сущему захолустью: лесам и полям, на которых стоят одинокие трейлеры со спутниковой тарелкой на крыше и грузовиком на блоках. Если не считать летний сезон, путешественников раз-два и обчелся, каждая машина превращается в маленькую планету среди бескрайней пустоты космоса. У Монетта возникла другая ассоциация (вероятно, под влиянием медали святого Христофора, подаренной Барб в далекие времена мира и спокойствия): он словно попал в исповедальню на колесах. Подобно большинству исповедующихся, к главному он приближался издалека и постепенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.